

Дьявол — в деталях

Как Кремль пытался обуздать Ивана Бунина

Константин КЕДРОВ, «Известия»

Коллонтай против Нобеля

Советский посол в Швеции Александра Коллонтай в смятении — Бунину присудили Нобелевскую премию.

В посольстве паника. Не смогли предотвратить враждебную акцию. В письме-отчете «товарищ посол» стремится смягчить удар. «Присуждение это носило весьма случайный характер. Во всяком случае, швецпра (шведское правительство) бессильно было предотвратить этот шаг международного комитета.

Кандидатура Бунина появилась в печати впервые накануне голосования. Я имела частную беседу с минпросвещения на этот счет, но он, будучи сам изумлен таким поворотом дела, объяснил мне, что комитет не поддается никакому воздействию, что «старика» строго оберегают свою независимость от влияний на них со стороны правительства».

Коллонтай понимает, что последнее утверждение вызовет кривую усмешку в Кремле. Мысль о независимости кого-либо от власти звучит для Москвы кощунственно. Пусть даже это не в Москве, а в Стокгольме. Но ничего не поделаешь — их нравы! Коллонтай специально огоривает, что в буржуазной стране такое возможно. «Я про-верила, что в самом деле бывали случаи, когда премию присуждали вопреки явному одобрению швецпра». Трудное положение у советского посла. Как объяснить кремлевским людоедам, что бывают страны, где людей не едят. Где существует независимая мысль и есть свобода.

И снова в отчете посла чисто азиатское подслащивание пилюли. Раз новость плохая, выдадим желаемое за действительное. Изобразим возмущение общественности. Пусть в Москве думают, что шведская пресса мыслит категориями Кремля. Как это характерно для деспотической дипломатии выдавать желаемое за действительное, дабы усадить

слух. Ведь за плохую новость посла могут отозвать, а то и жизни лишить. Поэтому умная женщина пишет несусветный вздор чисто ритуального характера.

«Нехарактерно, что и шведо-общественность, и почти вся, даже буржуазная пресса весьма критически отнеслась к выбору Бунина, как представителя словесности на русском языке, достойного премии Нобеля. Даже «Аллекханда» писала, что неудобно выглядит, что в списке имен, награжденных премией Нобеля, русскую литературу — страну Толстого — представля-ет Бунин».

33-й год на дворе. Фашизм в Германии, можно сказать, уже пришел к власти. А наш посол в Стокгольме воюет, но не с Гитлером, не с Геббельсом, а с великим русским писателем, увенчанным престижной международной премией.

Судя по отчету Коллонтай, битва идет не на жизнь, а на смерть. Дело в том, что, помимо провинившейся Швеции, Франция тоже совсем отбилась от рук. Появились сообщения в прессе, что французский посланник Гессен будет представлять Бунина при торжествах вручения премии. Для советского посольства открывается широкое поле деятельности. Коллонтай переходит в наступление.

«Я, во-первых, указала на то неблагоприятное впечатление, какое вообще произвело избрание Бунина предметом премий; во-вторых, если уж кабинет не мог этому помешать, я попросила, по крайней мере, воздействовать на прессу с тем, чтобы приезд Бунина не принял бы под воздействием враждебных к нам элементов белой эмиграции характер политической кампании против Союза, выставления Бунина «жертвой» и т.п.

МИД, как я узнала, делало попытки, чтобы Бунин вообще сюда не приехал, но попытки эти не удалось. Во всяком случае, уже известно, что де-Шассен организывает вечер ино-

Глава культурного фонда «Зимний сад» Дмитрий Черниговский предложил вниманию «Известий» документы из Архива внешней политики РФ о деятельности советских спецслужб и дипломатического корпуса, связанной с нелепой возней вокруг Ивана Бунина в 30—40-е годы. Документы печатаются впервые.

странных журналистов в честь Бунина. Нашего ТАССа (тов. Зейфертс) на вечере этом, конечно, не будет. Я тоже, разумеется, отказалась быть на торжестве при вручении премии».

Советскому режиму нельзя отказать в неизменности и последовательности. Пройдут годы, умрет Сталин, отбушует вторая мировая война, состоится исторический XX съезд, осудивший сталинизм, но неизменной останется сущность тоталитарной власти. Теперь Нобелевскую премию получит не эмигрант, а писатель, живущий в СССР, Борис Пастернак. А реакция в конце 50-х будет такая же, как в начале 30-х. Там шумели, почему Бунину, а не Горькому. Здесь завопят: почему Пастернаку, а не Шолохову. И снова Россия отречется от своего великого сына. Снова советский посол не явится на торжества по случаю вручения премии, а советские газеты напишут такую же ахи-нею о возмущении мировой общественности решением Нобелевского комитета.

Пройдут еще годы. Минует эра застоя, наступит перестройка. Нобелевскую премию получит высланный из страны Иосиф Бродский. И опять советский дипломатический корпус за рубежом окажется в шоке. Кто-то заявит, что у него другие эстетические вкусы, кто-то промямлит, что Нобелевский комитет волен принимать какие угодно решения, даже абсурдные. Лауреата уже в третий раз будут чувствовать представители всех цивилизованных стран, и только СССР окажется в стороне. Коммунистическая идеология до последнего часа советской власти не допускала и мысли о возможности существования какой-либо несанкционированной литературы.

Уверенность в своем превосходстве над учеными и писателями никогда не покидала вождей. Глава культурного фонда «Зимний сад» Дмитрий Черниговский предложил вниманию «Известий» документы из Архива внешней политики РФ о деятельности советских спецслужб и дипломатического корпуса, связанной с нелепой возней вокруг Ивана Бунина в 30—40-е годы. Документы печатаются впервые.

Бунин «с еще большим обнажением трактует сексуальные темы»

Презрение к Нобелевскому комитету и к великому писателю пронизывает все документы МИД.

После войны отношение к Бунину резко меняется. Вокруг него начинается возня дипломатического корпуса и разведки. Нельзя ли переманить писателя в СССР на волне охватившей общество эйфории? В СССР летят секретные бумаги бойцов невидимого фронта. Невозможно без омерзения читать отчет некоего А.Гузовского, сотрудника СССР во Франции. В лакейской всегда чутко улавливают настроения господ. Что четко усвоил пишущий, так это все тот же презрительно-высокомерный тон по отношению к Бунину.

Секретно:

«31» октября 1945 года
Заведующему 1-м Европейским отделом НИКД СССР тов. С.П.Козыреву

«Случайно оказавшись в одном обществе, я познакомился с известным Вам писателем Буниным. Поскольку я узнал о том, что к этому писателю у нас проявляют значительный интерес, сообщаю содержание моей краткой с ним беседы.

Бунин сказал мне, что он окончательно утвердился в Париже и, несмотря на скверные материальные условия, «сдыхаю с голода», продолжая пописывать, кое-что перерабатывать старое и кое-что переиздавать. Большие надежды возлагает на Америку, т.к. «де, мол, не в праве рассчитывать на «удовольствие издать свои произведения в СССР». «К слову сказать, — заявил Бунин, — весьма огорчен, что мои произведения издаются в Москве «Огизом», как посмертные. Кричать о том, что я еще жив, стал

слабоват голосом и к тому же я эмигрант».

Исподволь известно, что Бунин крепко «полевел», тоскует по родине, втайне мечтает о том, что наступит час, когда его пригласят домой. Говорят, что за отсутствием тем, а может, просто по старости, но после бурной жизни, он сейчас пробует свое перо под Арцибашева, но с еще большим обнажением трактует сексуальные темы.

Поскольку я сумею с ним встретиться еще и если в этом будет необходимость, можно поближе с ним познакомиться и составить личное впечатление о его перспективах и настроениях.

Прошу сообщить Ваше мнение, следует ли им заняться». Эти смердяковские рассуждения о Бунине произвели большое впечатление на советского посла во Франции А.Богомолова. Тем более что он получает и другую официальную справку, больше похожую на инструкцию спецслужб по охмурению непокорного классика.

Гастрономический заговор

Путь к сердцу классика лежит через желудок. Именно так прямолинейно решили советники советского посольства. Замечание, скользко оброненное осведомителем Гузовским, «подыхаю с голоду» они истолковали буквально. И вот 2 мая 1945 года в обстановке строжайшей секретности готовится записка на имя посла. В ней утверждается, что Бунин вполне готов вернуться на Родину и все было бы хорошо, если бы не одно «но».

«По натуре своей Бунин человек слабодушный и легко поддающийся посторонним влияниям. Несомненно, что сейчас по приезде он будет окружен своими близкими друзьями, из которых многие, как писатель Зайцев Б.К. и про-

фессор Михайлов Н.А., занимают политически антисоветские позиции, а некоторые, как писатель Шмелев И.С., — скрытые фашисты. И эти встречи, несомненно, окажут в короткое время свое определенное влияние на Бунина.

Соображение:

Ввиду изложенного, было бы крайне желательным получение Буниным в самом скором времени по приезде, частного письма от А.Е.Богомолова с пожеланием личной встречи, лучше всего с приглашением на завтрак. (Бунин — большой гастроном).

Такое приглашение в корне парализовало бы все попытки отговорить его от «безумного шага» возвращения на Родину».

Перечитывая этот бред о «фашисте» Шмелеве, о Бунине, которого можно-де перекупить за хороший завтрак, невольно задаешь себе вопрос, в своем ли уме были сотрудники спецслужб, когда писали эту записку. Но вот уже не безымянная бумага, а запись в дневнике самого посла А.Богомолова.

«В 17 ч. ко мне пришел И.Бунин. Ему 75 лет, но он держится бодро. Беседа шла в духе обычного «светского» разговора и никаких деликатных вопросов не захватывала.

Он любит выпить, крепко ругается и богемствует в среде своей писательской братии.

У меня на приеме старик держался, как полагается на

приеме у посла, немножко рисуюсь и кокетничая.

Приглашу его к себе позавтракать, он человек интересный».

Неизвестно, состоялся ли злополучный завтрак, но точку в этой нелепой возне поставил сам Бунин. Он, конечно же, хотел умереть на Родине, конечно, хотел вернуться в Россию; но достаточно было взглянуть на этих людей, пишущих отчеты после каждой встречи с писателем, чтобы понять и почувствовать — возвращаться не надо. Уже через год после упомянутых событий Бунин направил в Москву резкое и раздраженное письмо, где сказал все, что думает, открытым текстом.

Бунин в Грассе, Франция, 1933 г.

«Париж 16

30 января 1946 г.

Я горячо протестую против того, что уже давно издано в Москве несколько моих книг без всякого гонорара за них (имею в виду «Песнь о Гайавате», «Митину любовь»), особенно же горячо протестую против последнего издания: тут я уже прямо в отчаянии и прежде всего потому, что тут поступлено со мной как бы с уже несуществующим в живых и полной собственностью Москвы во всех смыслах».

Бунин не хотел быть собственностью советских властей и решительно отверг все их неуместные домогательства. Гастрономический заговор спецслужб лопнул.